

Литературоведение

УДК 821.511.111(470.22)(092)(045)

О. А. Колоколова

ПИСАТЕЛЬ КАРЕЛИИ ТОБИАС ОСИПОВИЧ ГУТТАРИ (ЛЕА ХЕЛО): ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ БИОГРАФИИ 1930-Х ГОДОВ¹

Статья посвящена восстановлению предвоенного периода жизни и творчества поэта, прозаика Т. О. Гуттари (литературный псевдоним – Леа Хело). Проведено исследование комплекса архивных источников. Установлены ранее неизвестные биографические факты, обнаружены черновые варианты произведений. Изучены и систематизированы газетные публикации, документы из фондов Национального архива Республики Карелия. В научный оборот вводятся новые материалы (письма, дневниковые и блокнотные записи). Кратко очерчен круг профессиональных интересов писателя: перевод художественных текстов, изучение фольклора и диалектов карельского языка, встреча с известными сказительницами Марией Ремшу и Ларин Параске, участие в организации конференций. В первой половине 1930-х гг. Гуттари плодотворно работал над созданием художественных произведений и переводом советской литературы с русского языка на финский. Особое внимание уделяется кризисному периоду (1936–1937). Творческий подъем сменился разочарованием в действительности: репрессии и череда арестов постигли ближайшее окружение поэта. Национальная политика отразилась и на его личной судьбе. Потеря работы, угрозы и жесткая критика стали причиной творческого спада, практически полного отказа от литературной деятельности. Освещается вопрос об исключении Гуттари из Союза писателей и его борьбе за восстановление в числе членов организации. В приложении публикуется дневник Т. О. Гуттари (3 сентября – 1 октября 1936 г.), который хранится в настоящее время в Национальном архиве Республики Карелия.

Ключевые слова: финноязычная литература Карелии, биография писателя, Тобиас Осипович Гуттари, Леа Хело, дневник Т. О. Гуттари.

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-55-66

Тобиас Осипович Гуттари (1907–1953; литературный псевдоним Леа Хело) – известный финноязычный поэт и прозаик Карелии, финн-ингерманландец по происхождению. Член Союза писателей СССР, переводчик произведений русской классической и советской литературы на финский язык, редактор журналов «Punakantele» и «Punalipru», талантливый педагог, автор хрестоматий для школьников, он внес большой вклад в развитие культуры в республике.

Биография Т. О. Гуттари представлена в академических трудах по истории литературы Карелии [Очерки литературы... 1954, 26–43], [Очерк истории... 1969, 107–117], [Алто 1997, 55–61], [100 лет литературе Карелии 2020, 154–163], в газетных публикациях А. С. Пекки [Пекки 2000]². Письма с фронта и отрывки из личного дневника, который Гуттари вел в годы Великой Отечественной войны, были опубликованы в журнале «Север» [Хело 1973; Гуттари 1995]. Тем не менее, требуют изучения отдельные периоды жизни и творчества Гуттари, в особенности, предвоенное десятилетие, а также переписка с писателями и издателями, дневниковые записи. Тема исследования актуальна, поскольку реконструкция биографии позволяет не только восстановить историко-литературный контекст, но и решить некоторые вопросы поэтики, определить доминанты мировосприятия писателя, восполнить пробелы творческого пути.

В современном литературоведении биография рассматривается как «самодостаточная нравственно-эстетическая ценность, приобщение к ней, к нравственно-эстетическому потенциалу писателя усиливает читательский интерес к его произведениям, позволяет дать их более глубокую интерпретацию» [Фокин 2008, 4]. За основу нами была принята «модель биографического описания с учетом социально-исторических, психологических и эстетических факторов» [Фокин 2008, 5]. Основными источниками исследования являются ранее не вводившиеся в научный оборот архивные материалы. В ходе работы были изучены и систематизированы сведения из фонда Т. О. Гуттари в Нацио-

¹ Публикация подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН.

² Более подробно библиографию см.: [Писатели Карелии... 2006, 151–155; Тобиас Гуттари 1977].

нальном архиве Республики Карелия (далее НА РК) [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1]: автобиография; переписка с руководством Союза писателей Карелии; дневниковые записи Гуттари о периоде работы в д. Войскорово (3 сент. 1936 – 1 окт. 1936); блокнот Элины Пекки с записями виршей-экспромтов, стихов за подписью Леа Хело (1936–1937); рукописная тетрадь А. С. Пекки³. Во внимание приняты черновые варианты произведений писателя, задействованы данные, представленные в обзорных главах академических трудов по истории литературы Карелии и периодической печати.

В 1930-е гг. Т. О. Гуттари опубликовал семь книг в стихах и прозе: «Nuoret mielet» («Молодые сердца», 1930), «Astun yli» («Перешагиваю», 1931), «Karjalan metsissä kasvaa paperia» («Растет бумага в карельских лесах», 1932), «Miten kirja syntyi» («Как родилась книга», 1933), «Punainen Armeija – vartiija valpas» («Красная армия – недремлющий страж», 1933), «Jokea voittamassa» («Покорители реки», 1933), «Runoja» («Стихи», 1936).

Первая половина десятилетия – период творческого подъема: Леа Хело заявил о себе как поэт, прозаик, критик. Он регулярно печатался на страницах финноязычных журналов. В 1930 г. получил должность редактора журнала «Punakantele», участвовал в организации Карельской ассоциации пролетарских писателей (КАПП), а в 1934 г. в числе первых был принят в Союз писателей СССР. Несмотря на плохое самочувствие (в первые месяцы 1931 г. обострилась болезнь – туберкулез легких), поэт сохраняет веру в будущее, продолжает много работать. Гуттари вкладывает много сил и времени в организацию Второй конференции карельских писателей, которая состоялась в Петрозаводске 28 января – 4 февраля 1931 года. В том же году были объединены и переведены в Ленинград издательства финноязычных журналов «Punakantele» и «Soihtu». Гуттари, занимавший должность ответственного редактора, вынужден был переехать.

В 1930-е гг. литература Карелии развивалась в русле метода социалистического реализма. В. Чехов, С. Норин, А. Линевский, И. Кутасов публиковали произведения на русском языке. Литературную деятельность начинали финноязычные писатели А. Тимонен, Н. Лайне, Я. Ругоев, У. Викстрем. Из Финляндии эмигрировал Э. Виртанен, из США – Э. Паррас. Поэзия характеризовалась революционно-публицистической, агитационной направленностью. Считалось, отнюдь не обязательно обладать литературным даром, чтобы стать писателем: «Боязнь, что ты не способен – это неуместная робость, оппортунизм, недооценка своих сил. Это гибельный страх, который надо решительно в себе искоренять» [Johansson 1931, 9–10]. Творчество Гуттари ощутимо выделялось на фоне литературных течений того времени. Леа Хело заявил о себе как лирический поэт: его произведения отличались напевностью, эмоциональностью. Автор исследовал духовный мир человека⁴. В критических статьях первой половины 1930-х гг. Гуттари поднимает проблему художественности литературы Карелии, призывает отказаться от декларативности, агитационности, сохранить живой и образный язык. Позиция Гуттари вызвала резкую критику: поэта обвиняли в том, что он «перешагнул через линию политики партии и способствовал ее врагам» [Ivatchev 1931, 27]. Писатель тяжело переживал сложившуюся ситуацию: «Устав от вечных интриг и нападков Федора Ивачева, в октябре 1931 года я решил уволиться из редакции журнала и стал работать переводчиком в государственном издательстве «Kirja» («Книга») в Ленинграде на договорных началах» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 11].

Несмотря на трудности, Т. О. Гуттари продолжал разрабатывать направления, зародившиеся в его творчестве в конце 1920-х гг.: реализовал идею создания поэтической географии Карелии. К воплощению своего замысла он вернется позже, в послевоенное время, и выйдет за территориальные пределы Карелии, «осваивая» пространство северных земель и южных морей, стирая границу между «своим и чужим» в художественном мире. Таким образом, в стихотворениях 1920–1940-х гг. предстает галерея морских пейзажей, городских ландшафтов и маленьких деревень в несколько домов, расположенных на берегах озер: «Karhumäki» («Медвежья гора», 1928), «Öinen kaupunki» («Ночной город», 1928), «Kirovin rata» («Кировская дорога», 1930), «Kohise, meri!» («Шумы, море», 1930), «Kaukainen kaupunki. Luuyrillinen kuva Muurmanskista» («Далекий город. Лирическая картина Мурман-

³ Александр Степанович Пекки – брат Элины Степановны Пекки (первой жены Т. О. Гуттари), заслуженный работник народного хозяйства Карельской АССР, кандидат геолого-минералогических наук.

⁴ Исследователь литературы Карелии Л. А. Виролайнен подчеркивает, что Гуттари – «лирический поэт с большим, сильным и самобытным дарованием» [Виролайнен 1951, 68]. Поэт и критик А. И. Мишин высоко оценивает творчество Л. Хело: «В финноязычной поэзии Карелии имя Леа Хело сияло многие годы. Для новых поколений финноязычных поэтов он всегда оставался лучшим поэтом-лириком» (одно из значений лексемы «helo» в псевдониме писателя – сияние, блеск) [Мишин 2012, 192].

ска», 1936), «Kuutamoinen suysilta Bielomorskissa» («Лунный осенний вечер в Беломорске», 1943), «Petroskoille» («Петрозаводску», 1946) и т. д.

В произведениях Леа Хело проявляется краеведческое начало. Детально описана жизнь северной провинции, которая воспринимается писателем как хранительница традиций, где появляются ростки новой жизни. Тематический спектр произведений включает в себя пейзажные зарисовки, сценки из трудовой жизни крестьян, рабочих, лесорубов и рыбаков. В стихотворениях изображается рубка и сплав леса, посев, строительство колхоза и завода, голосование, что в целом создает детальную картину развивающейся Республики: «Kalastaja» («Рыбак», 1927), «Miilunpolttaja» («Углежог», 1928–1930), «Heinäaika» («Покос», 1935), «Vuorilla malmia louhitaan» («В горах ломают руду», 1936). Леа Хело воспроизводит основополагающие периоды крестьянского годового цикла: весеннее пробуждение природы, подготовка земли, посев, покос и уборка урожая, подготовка к зимнему времени. Произведения лиричны, но не лишены точных деталей, реалистичности. В отличие от пролетарской поэзии, в художественном мире Леа Хело герой не считает себя властелином природы. К примеру, в стихотворении «Salon proletaari» («Пролетарий лесов») карельские леса представлены как «огромная изба». Изображение космоса в пределах пространства одного жилища дополняется сравнением освещающей избу лампы и полыхающих по всему небу отблесков северного сияния. «К природе, особенно к северной – карельской, у него необыкновенно интенсивное отношение, сродни тому лирическому чувству, которое мы находим в песнях “Калевалы”», – отмечает С. А. Виролайнен [Виролайнен 1991, 70].

Со второй половины 1936 г. творчество Леа Хело развивалось в ином направлении – в стихотворениях звучала любовная тема. С 15 августа 1936 по 1 января 1937 г. Гуттари работал учителем литературы и финского языка в средней школе с. Войскорово (Ленинградская область), где познакомился со своей будущей женой Элиной Степановной Пекки. С 3 сентября по 1 октября 1936 г. он вел дневник, в котором описывал свои чувства. В настоящее время рукописная тетрадь в 7 листов хранится в НА РК [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–7]. Дневник без сокращений в переводе на русский язык публикуется в Приложении. Основные темы и мотивы, прозвучавшие в дневниковых записях, нашли отражение в лирике второй половины 1930-х гг. и более позднем творчестве Гуттари. В размышлениях поэта ощущается нарастающая тревога, предчувствие надвигающейся катастрофы. Он стремится избежать трагичности настоящего в возвышенном, целомудренном чувстве любви. Свое отношение к возлюбленной автор связывает с музыкой: мелодическую гармонию он проецирует на свой внутренний мир. Преображение, стремление стать лучше, «искоренить в себе все ненужное и плохое» придает силы поэту, возвращает желание жить и «сделать многое» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 15. Л. 5]. В духовной жизни поэта происходит жизнеутверждающая перемена, несмотря на его сомнения в ответном чувстве возлюбленной и переживания от ее холодности и недоверия. В любовной лирике отражена тема катарсиса, душевного «расцвета и сияния», она раскрывается посредством мотивов разлуки, ожидания счастья и надежды.

По воспоминаниям А. С. Пекки, брата Э. С. Пекки, окружающие замечали перемену в Т. О. Гуттари: «В новой обстановке Тобиас преобразился. <...> Мало кто мог предполагать в школе, что «самый веселый компаньон на коллективных ужинах и обедах думал о том, какая участь ждет народное образование. В то время уже начались репрессии ингерманландских финнов. Тысячи семей были выселены в северные области России. А он был по-прежнему влюблен...» [Пекки 2000, № 2, 14]. Гуттари исполнял учительские обязанности, проводил дополнительные занятия со школьниками, разрабатывал курсы преподавания литературы в 5–8 классах, составлял хрестоматии для учащихся и переводил произведения советской литературы с русского на финский язык. Поэт работал над сборником «Runoja» («Стихи»), который был опубликован в Государственном издательстве «Kirja» объемом 4 печатных листа. В тематических планах издательства особое внимание уделялось художественной литературе, русской и зарубежной классике, в том числе, переведенной на финский язык [Филимончик 2017, 548]. В 1935–1937 гг. Гуттари перевел на финский язык романы Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и К. Федина «Города и годы» (к сожалению, обе рукописи погибли). Кандидатура Гуттари была выдвинута на получение Сталинской премии как «лучшего переводчика советской литературы с русского языка на финский» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 42].

Т. О. Гуттари нравилось работать учителем, тем не менее в провинции его возможности как литератора были ограничены. После знакомства с Э. С. Пекки к нему вернулся интерес к серьезному литературному творчеству, но учительская работа, подготовка к урокам и внеклассным занятиям занимали много времени. Более того, как признавался писатель, он испытывал тоску по своей новой

родине – «по Петрозаводску, по карельским лесам и скалам, по Онежскому озеру, по всему тому, что было связано с годами его ранней молодости, когда в нем начали вспыхивать искры творческого вдохновения»⁵ [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. В это время писателю поступило предложение о переезде в Петрозаводск. «Для укрепления кадрами государственного книжного издательства «Кирия» в Карелии секретарь Карельского обкома по идеям Пааво Хюппенен вместе с писателем и общественным деятелем Ялмари Виртаненем, встретившись в Ленинграде с Тобиасом Гуттари, долго и настойчиво уговаривали его возвратиться к литературной деятельности и переехать в Петрозаводск. Он согласился, но с тяжелым сердцем, как бы предчувствуя, что добром это не кончится. Слишком много было у него в Карелии недоброжелателей, завистников. И общая установка в стране все усложнялась» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. В канун 1937 г. было написано стихотворение «Таас Uusivuosi oven kolkuttaa...» («Опять стучится в двери Новый год...»), в котором безысходность, чувства страха и уныния воплощаются в образе «тысяч ночей черной тоски» («tuhansia mustan murheen öitä») [Helo 1965, 205].

Несмотря на сомнения и переживания, Т. О. Гуттари решился на объяснение с Э. С. Пекки и получил благосклонный ответ. Они условились, что сразу после Нового года он выедет в Петрозаводск, решит бытовые проблемы, а затем вернется за Элиной Степановной. Гуттари надеялся, что в Петрозаводске она сможет работать учительницей в школе с преподаванием всех предметов на финском языке и учиться заочно в Карельском педагогическом институте. Тобиас Осипович также намеревался получить высшее образование. С января по август 1937 г. он занимал должность старшего редактора художественной литературы в издательстве «Kirja».

Из многочисленных писем, написанных Т. О. Гуттари в Петрозаводске с января по апрель 1937 г., удалось восстановить только два, адресованных Э. С. Пекки. «Я потому пишу иногда письма в два приема, что очень и очень закрутился с текущими делами. Совсем нет времени. Много работы в издательстве. В Союзе писателей начинается «большая кампания самокритики» и бог знает, чем все это кончится... После собраний люди выходят как из парилки...» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 11].

«Я утешаю себя надеждой, что на майские праздники все изменится. Я подсчитал по пальцам, что осталось только одиннадцать дней. А на двенадцатый, моя кисонька, мы хлопнем лапка об лапку. Уже весна! Я сбросил зимнее пальто, зимнюю шапку. Весна! Пришла весна, а с ней улыбка мира! ... Моя милая, славная Элина! Через тебя я шлю приветы полям и лугам Войскорово. Больше жизни и бодрости! Жизнь так изобретательна на события! ...Моя кисонька, если мы будем жить вместе, то ты, конечно, начнешь хоть немного толстеть, а то ты такая худенькая! Нехорошо! Уж я позабочусь, чтобы ты ела много. Это было бы так здорово, так чудесно! ...Может, ты согласишься приехать, хотя бы одним глазком взглянуть на нашу квартиру, на твою комнату? Пишу тебе об этом, хотя нет у меня уверенности. Не хочу думать ни о чем дальше майских праздников...» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 11].

В первых числах мая Э. С. Пекки переехала в Петрозаводск. После решения бытовых и материальных вопросов Т. О. Гуттари вернулся к напряженной литературной работе. Поэт поддерживал идею создания единого литературного карельского языка [Евсеева 2020], изучал его диалекты и устное народное творчество карелов и ингерманландских финнов, собирал и записывал народные песни, эпические и лирические стихи. Заинтересовавшись творчеством и судьбой ингерманландской сказительницы Ларин Параске, писатель посвятил много времени исследованию записей ее плачей и песен. Работая в Карелии, Гуттари изучал творчество карельских рунопевцев. В январе 1937 г. он принял участие во встрече со сказителями из северно-карельских деревень. Поэт познакомился лично со сказительницей Марией Ремшу, с которой у них установились дружеские отношения. В последующие годы, приезжая в Петрозаводск, Мария Ремшу приходила в гости к Пекки и Гуттари. Элина Степановна много слышала о сказителях от Гуттари, «большого знатока народного творчества финнов и карелов» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. «И вот она получила возможность воочию познакомиться с потомками рунопевческих династий. От Марии Ремшу Элина начала изучать севернокарельский диалект, который наиболее близок к литературному финскому. Позднее, при каждом посещении их квартиры сказителями, Элина совершенствовала свое знание карельского языка, что очень

⁵Цитируется по рукописной тетради А. С. Пекки. Воспоминания из этой тетради в сокращении стали основой биографической статьи А. С. Пекки «Певец солнечной весны: из биографии карельского писателя Т. Гуттари», опубликованной в газете «Лицей» [Пекки 2000]. В настоящее время тетрадь передана из семейного архива Е. А. Пекки в НА РК, фонд Т. О. Гуттари. В настоящее время документ регистрируется, поэтому здесь и далее ссылка на него будет обозначена номером фонда Т. О. Гуттари.

пригодилось ей при самостоятельной работе через десять лет» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. На «Всекарельской конференции мастеров народного искусства», проходившей в Петрозаводске с 25 по 30 мая 1939 г., Гуттари много общался со сказителями. В апреле 1941 г. поэт выступил в Ухте (ныне пос. Калевала) с обзорным докладом, посвященным творчеству Марии Ремшу, в честь ее восьмидесятилетия.

В творчестве Гуттари сильна связь с устной лирической песней, эту традицию он сохранил в период идеологического и цензурного контроля. Современник поэта, писатель, литературовед У. Н. Руханен отмечает: «Творчество Гуттари развивалось на иной социальной основе. Тобиас Гуттари был родом из Ингерманландских крестьян. Он учился в советское время. И литературная среда, в которой он жил, была совсем иной, нежели у старших товарищей. Без сомнения, Хело не был оторван от литературы Финляндии и ее традиций. Но все же основу его поэзии формировали советская литература и народная поэзия Карелии» [Руханен 1991, 209–210]. Связь с фольклорной традицией проявляется в поэзии Леа Хело на уровне формы и содержания. Например, в стихотворении «Uuden virren viertäjille» («Новой песни зачинателям», 1928) ритмичность, средства выразительности, поэтические приемы соответствуют нормативной поэтике фольклора. В стихотворении «Taikalanka» («Волшебная нить», 1928) прослеживается глубинная связь с народной поэзией, пониманием художественности и образности.

Ряд стихотворений Леа Хело, которые условно можно выделить в отдельный цикл, имеют черты карельской и ижорской народной лирической песни: произведение достаточно краткое (10–15 стихов), сюжет сжат, ядро образует сильное эмоциональное переживание, вокруг которого строится произведение. Основные темы этой группы стихотворений связаны с тоской по родине, воспоминаниями о матери, описанием тяжелой женской доли («Kutoja» («Ткачиха», 1928), «Ystävän tarina» («Рассказ подруги», 1937), «Armaalle» («Милой», 1937). Работу над произведениями «Ystävän tarina» и «Armaalle» Леа Хело вел в д. Войскорово и посвятил их своей возлюбленной (см. Приложение).

В феврале 1937 г. отмечалось столетие со дня гибели А. С. Пушкина. В школах, учебных и рабочих учреждениях Петрозаводска и Карелии проводились вечера и концерты, посвященные этому событию. Гуттари, «преклоняясь перед русским гением» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885], написал стихотворение «Pushkinin kaksintaistelu» («Дуэль Пушкина»). Поэт ассоциировал себя с героем стихотворения, аллюзия была настолько очевидной, что цензура сделала сноску к слову «товарищи» с пояснением «декабристы, а не современники поэта Леа Хело». Данное стихотворение, опубликованное в журнале «Rintama» (1937, № 3), Гуттари прислал в письме к Э. С. Пекки, а она переписала его в свой блокнот [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. № 16]. Стихотворение позволяет судить о внутреннем кризисе поэта, обуревавших его тревогах, вызванных трагическими событиями 1937 года. Ниже приводится отрывок из черновика (при публикации стихотворения Гуттари значительно изменил порядок строк и некоторые грамматические формы).

...työn sekä elämän rauha on syöty,
ajatus kahleihin lyöty!
Koko ääretön maa on kuin vankien saari,
on vangin vartija – Venäjän tsaari.
Vaan parempi kaatua, parempi kuolla
kuin jatkaa vankina oloa tuolla,
missä merkit orjien otsissa loistaa.
ylhäisö julkeita juoruja toistaa;
missä kaikki on tympeää, likaista, halpaa,
missä laulajan laajaa henkeä salpaa.
(«Pushkinin kaksintaistelu») [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. № 16]

...покой труда и жизни уничтожен,
Мысль в ужасные цепи закована!
Вся огромная страна словно остров узников,
Тюремный страж – России царь.
Но лучше погибнуть, умереть,
чем быть узником там,
где на лбах стоят клейма рабов,

где знать повторяет сплетни;
где все отвратительно, грязно, дешево,
где перекрывается свободное дыхание певца.
(«Дуэль Пушкина»)⁶.

Многие представители творческой интеллигенции, среди которых были близкие знакомые и друзья Т. О. Гуттари, подверглись арестам, репрессиям [см: Такала 2018]. Произошли изменения в национальной политике: преподавание финского языка в техникумах было запрещено, финноязычные школы были закрыты. Сокращены ставки преподавателей кафедры финского языка в Карельском государственном педагогическом институте. Пострадали многие писатели, к концу 1930-х гг. литература на финском языке в Карельской АССР не имела возможности развития. «Было запрещено упоминание имен арестованных писателей, а их книги изъяты из библиотек и помещены в спецфонды. Вся предшествующая история финноязычной литературы Карельской АССР и Ингерманландии оказалась как бы несуществующей» [Национальные писатели Карелии 2005, 12].

19 августа 1937 г. Э. С. Пекки и Т. О. Гуттари заключили брак, Элина Степановна взяла фамилию мужа. Она боялась, что в случае ареста Гуттари свидания с ним будут разрешены только ближайшим родственникам [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885].

Летом 1937 г. Гуттари работал в издательстве «Kirja» главным редактором отдела финской литературы и получал гонорары за публикацию художественных произведений и публицистических статей. Э. С. Гуттари не имела возможности устроиться учителем финского языка. 28 августа 1937 г. Тобиас Осипович был исключен из Союза советских писателей Карелии по постановлению общего собрания «за участие в троцкистской организации «Литфронт» и за то, что в течение всей литературной деятельности он активно примыкал к буржуазным националистам и проводил их линию, направленную к отрицанию карельской культуры и литературы и национальной по форме и националистической по содержанию; а также являлся инициатором группировок в литературном движении» [НА РК. Ф. Р-2885. Д.1. Л. 42], [Ivatchev 1931]. Гуттари был уволен из издательства и с августа 1937 по июнь 1938 г. числился безработным. Вышел запрет на публикацию его произведений, а сборники и журналы со стихотворениями и статьями Леа Хело были изъяты из библиотек.

Несмотря на тяжелую обстановку, Гуттари настоял, чтобы Элина Степановна поступила на филологический факультет Карельского педагогического института. Сам Тобиас Осипович вынужден был отказаться от мысли о высшем образовании. «Безуспешные попытки получить хоть какую-нибудь работу приводили в отчаяние. Чтобы не умереть с голоду, в буквальном смысле приходилось продавать личные вещи, ценные книги» [Тетрадь А. С. Пекки. НА РК. Ф. Р-2885]. Гуттари подрабатывал грузчиком, переводил статьи на политические темы с карельского языка на русский (фамилия переводчика при публикации не указывалась). Через десять месяцев поиска работы ему удалось устроиться столяром на мебельно-лыжную фабрику, что спасло семью от голода. Наступил кризис и в творчестве. Тем не менее поэт продолжал борьбу за восстановление своего имени в Союзе писателей, опровергал предъявленные ему обвинения. В НА РК хранится письмо, подписанное ответственным секретарем ССП Карелии П. И. Соколовым в ОБКОМ ВКП(б) тов. Золиной «с просьбой разобрататься в заявлении Т. О. Гуттари о неправильном исключении из ССП»: «...центральным пунктом обвинения являлось утверждение, что Гуттари был приглашен врагом народа Хюппенен и является его подручным» [НА РК. Ф. Р-2885. Д. 1. Л. 35].

30 октября 1937 г. Т. О. Гуттари пишет письмо в оргкомитет ССП Карелии с просьбой вторично рассмотреть вопрос о его исключении [НА РК. Ф. Р-2885. Д.1. Л. 1–7]. «Считая выдвинутые (главным образом Ивачевым) против меня обвинения необоснованными, я прошу ССП Карелии вторично рассмотреть вопрос обо мне, дав мне возможность привести свои возражения против выдвинутых обвинений. Прошу, чтобы я был приглашен на заседание, на котором будет разбираться вопрос обо мне. Предварительно прилагаю к заявлению сведения о себе и свои главные возражения против постановления общего собрания членов ССП Карелии. В 1935 г. я был в Ленинграде принят в члены Союза советских писателей прежде всего как переводчик лучших произведений русской советской литературы на финский язык – автор переводов «Брусков» Ф. Панферова, «Поднятой целины» М. Шолохова, «Разбега» В. Ставского, «Цусимы» Новикова-Прибоя, «Капитального ремонта» Л. Соболева и др. Писал я также рассказы и стихи и готов держать перед советской общественностью ответ

⁶ Подстрочный перевод выполнен автором исследования.

за каждое написанное мною слово. Несомненно, в моих произведениях, особенно в ранних, могут быть и имеются неудачи, провалы и ошибки, но клеветой я в них никогда не занимался.

Я родился в Ленинградской области, в сознательного человека вырос в условиях советской страны и советской культуры: с детства владею финским и русским языком, а позже усвоил карельский и никогда я не замечал в себе никаких националистических предрассудков, а наоборот всегда довольно отрицательно относился к узко-замкнутому миру финнов-эмигрантов. <...> работая в карельской деревне, я широко пользовался языком карельского народа и сам довольно широко его усвоил. <...> И когда я в 1937 году, после почти пятилетнего перерыва вернулся в Карелию и узнал, что решено создать литературный карельский язык, это показалось мне совершенно естественно и правильно. <...> Оглядываясь мысленно на десятилетний путь своей творческой работы, я глубоко убежден, что проделал ее не во вред своей стране и делу революции, а несмотря на многие ошибки, делал своими переводами и стихами доброе дело. Я готов понять, осознать и преодолеть мои ошибки и прошу, чтобы мне дали возможность это сделать и возможность в рядах советских писателей работать на благо моей советской родины» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д.1/2. Л. 7].

Т. О. Гуттари предпринял очередную попытку в марте 1939 г. и вновь отправил официальное письмо [НА РК. Ф-Р. 2885. Оп. 1. Д.1. Л. 33]. Он получил положительный ответ. По решению Оргкомитета Союза писателей было принято «считать обвинения, предъявленные к Гуттари бывшими руководителями СП Карелии, оказавшимися врагами народа, неподтвердившимися» [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д.1. Л. 30] и восстановить его членство в Союзе писателей.

Таким образом, рассмотренные в исследовании первоисточники отражают историко-литературный и личный контекст творчества Т. О. Гуттари. Их изучение позволило выявить ценности, духовный опыт и знания, которые транслировались в произведениях. Выход за грани традиций агитационной, пролетарской поэзии, стремление уйти от стереотипных образов – смелый шаг в финноязычной литературе Карелии 1930-х годов. В творчестве Гуттари получили развитие идеи создания поэтической географии Карелии, описание цикличности крестьянского календарного года. Встреча с Э. С. Пекки, любовь поэта, начало семейной жизни – факторы, определившие лирическую доминанту поэзии 1936–1937 годов. Интерес к фольклору сформировал влияние народной лирической песни на структуру стиха, образность, рифму. Однако творческий подъем сменился кризисом: резкая, несправедливая критика, исключение из ССП, репрессии, безработица, болезнь сломили поэта. Тем не менее, он продолжил борьбу за восстановление своего имени в писательской среде и в 1939 г., на исходе десятилетия, одержал свою личную победу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Т. О. Гуттари. Дневниковые записи о периоде работы в д. Войскорово⁷ [НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д.15. Л. 1-7].

3/IX-1936

В тот вечер он особенно ясно осознал, почувствовал, насколько дорога стала для него эта девушка. Ему было необычайно хорошо в обществе Э[леоноры]. Но в то же время он осознал, что это дружеское знакомство может стать для него роковым, если только девушка захочет «довести дело до определенной точки» (как произошло по отношению к одному человеку), чтобы увидеть, что произойдет, и насладиться своим «новым завоеванием».

Но если со стороны Б. это лишь обычное знакомство, без какого-либо озорства, я хотел бы, чтобы он продолжал эту дружбу, простое общение (простое ли оно для Э.?), так как он такой милый и приятный в обществе этой молодой женщины.

И он начал размышлять, как все случилось, и что Э. значила в новом этапе его жизни. Было ли это тем самым чувством, настоящей любовью, которую он ждал столько лет?

24/IX-1936

Сколько времени я не писал ни слова в тетради Элины! День такой легкий и прекрасный с самого утра. В сущности, с раннего утра, с того момента, как Элина зашла в мою комнату и сидела долго-долго. Пожалуй, именно поэтому у меня сегодня такое хорошее настроение, прекрасные чувства, хорошие дети, которые с огромным интересом слушали мой рассказ. После уроков Элина заглянула

⁷ Перевод дневника и подстрочный перевод стихотворений выполнен автором исследования.

ко мне в комнату, и мы до позднего вечера хлопотали, делая уборку. А теперь мои ощущения такие тонкие, душа восприимчива, меня наполняет нежность. Мне необходимо высказать это хотя бы на бумаге: я влюблен в Элину, я люблю ее, я желал бы, чтобы мы были друг для друга большим, чем сейчас.

Почему не может быть так, чтобы Элина испытывала те же чувства по отношению ко мне?

6/IX

Этой ночью во сне я видел, как ты прекрасна. Я видел тебя такой, какой ты сама себя никогда не представляла. Ты спросила, был ли я счастлив тогда во сне. Был. Я никогда не был так счастлив, и счастлив теперь, потому что недавно видел тебя. Ты говорила так откровенно.

7/IX

Мечта.

Мечта, которая исчезает и вновь возникает каждый день так много раз, когда трепещет сердце... Мечта, которая исчезает навсегда, когда я больше не в силах молчать и говорю тебе лишь то, что ты и так знаешь. Мечта, над которой ты, быть может, смеешься. (Пожалуй, у тебя есть право на это, но тем хуже для меня).

Ночью безгласной лелеял мечтанья.

Звезды смотрели мне в очи,
только и сердцем почуял страданья,
жаждал, искал, добивался свиданья
в шепоте девственной ночи...

Все это было безумными снами,
сказкой мучительной, лживой...

16/IX

Sun kättes lämmön tunsin käsissäni,
sun vallattoman ilokatsees näin
Sä itses hiljaa irti riistit, poistuit;
mä yksinäni syksy-yöhön jäin.
Sä poistuit niinkuin mulle vihoitellen.
Niin ylpeältä näytti armas pää.
Ja tuntui siltä, niinkuin vähitellen
ois välillemme noussut kylmä jää.

Когда почувствовал тепло твоих рук в своих руках,
Ты так бессильно взглянула.
Ты сама тихо отпустила руку, ушла,
Оставив меня одного в осенней ночи.
Ты ушла, будто рассердилась на меня.
Так гордо выглядела милая головка,
И казалось, будто постепенно
Между нами встал холодный лёд.

Niin luotain poistuit,
tiedän jääväin yksin.
Sun kevät vie, kun syksyt päivät toi.
Voi miksi emme voisi käsitysten...
En henno unelmaani särkeä, en voi!

Я поверил, что ты ушла,
Я понял, что остался один,
Когда весна увела, а осень принесла свои дни.
Почему мы не можем быть вместе, рука в руке?
Мне жаль, что моя мечта разбилась.

8/IX

Я давно уже не открывал тетрадь, но это не должно огорчать, так как все, что я мог доверить лишь бумаге, теперь я могу сказать самой Элине. Когда осенью я начал вести эту тетрадь, я не мог, не смел желать, что мы станем хорошими товарищами, друзьями. Я боялся, что Элина будет держаться со мной всегда сдержанно, официально. Но теперь она так добра по отношению ко мне. Она не испытывает тех чувств, которые я испытываю к ней, но, может быть, ей нравится во мне хотя бы маленькая частичка. Даже это сделает меня счастливым. Милый, дорогой друг.

Ты сделала эту осень весной, ты сумела сделать мою жизнь солнечной и доброй, ты... Мог ли я мечтать об этом, когда приехал в Войскорово... Я, который уже много-много лет ходил с холодным сердцем, я, который еще прошлой зимой чувствовал, что не встречал еще человека, которого мог бы полюбить... Потому что ни одно мое знакомство не могло пробудить ничего подобного, такую жажды жизни и счастья, такое глубокое и чистое чувство, стремление, воодушевление...

Я благодарю тебя за то, что ты есть, милая!

Эти дни с вечера прошлой субботы были необычайно хорошими, хотя ничего не случилось, и Элина говорит, что ее отношение ко мне всегда было таким.

Я знаю, что впереди плохие и тяжелые дни, но они настанут потом когда-нибудь... Я еще не хочу думать о них... Сейчас я счастлив, когда могу быть рядом с ней, потому что у меня есть право, которое никто не сможет у меня отнять, право любить ее. И ты не сможешь запретить мне эту радость, если не любишь сама? Не так ли? Ты добрая!

Я снова и снова хочу просить: Элина, не сомневайся, не думай, что я притворяюсь, что я не искренен с тобой, потому что я был и есть по отношению к тебе такой искренний и открытый, как едва ли был к кому-либо в своей жизни. Лишь только находясь рядом с тобой, я чувствую, что хочу становиться лучше, разумнее, искоренить в себе все ненужное и плохое. Под твоим влиянием я чувствую силы сделать многое и жить для тебя, милая. (На страницах этого письма осмелюсь так назвать тебя: моя милая девочка. Это не слишком дерзко?).

Иногда, если ты добра ко мне, приветлива, непринужденна, у меня мелькает мысль, предчувствие большого счастья, которое было бы возможно, если бы не было невозможным... Но это происходит редко. Чаще ты ведешь себя так официально... Ты настроена скептически и чужие мысли проникают в твоё сознание, чтобы подавить то слабое, но доброе чувство, которое у тебя возникло по отношению ко мне. Часто, когда мне кажется, что тебе хорошо в моем обществе, между нами возникает мрачный образ нежной, но капризной, недостаточно вдумчивой Анны или нервной Ленсу. И этот образ пугает тебя: ты прячешься в своей скорлупе, как испуганная маленькая птичка в гнезде.

И ты еще никогда не заходила в мою комнату. И дело не в том, что ты знаешь о моих чувствах к тебе, потому что ты понимаешь и видишь, что я никогда бы не позволил себе сделать что-то, что обидит тебя или огорчит. Нет ли здесь опять Домоклова меча чужого мнения? (А что скажет Мария Ивановна?).

Сегодня я совершил безумно смелый поступок. Когда ты искала свои часы и проводила в моем кармане «домашний обыск», то подошла так близко ко мне, что я ничего не мог сделать: мои руки обвили вокруг твоих плеч, и я притянул тебя немного к своей груди. Тогда я почувствовал, будто теплое, опьяняющее вино зашумело по моим венам, и моя душа была любящей и чувственной, как язык скрипки, когда она играет свою лучшую мелодию. Я бы с такой радостью заключил тебя в объятия и унес куда-нибудь в другое место и время, где все было бы по-другому, где ты могла бы видеть меня таким, какой я есть в действительности, как отношусь к тебе на самом деле. Это было нежное чувство познавшего жизнь мужчины к милой маленькой женщине (прошу прощения за эти слова). Это была не просто страсть, но здоровая привязанность, основной тон которой — глубокое, ровное и сильное чувство к женщине и человеку. То чувство, что я понимаю под настоящей любовью, и это чувство я вновь и вновь предлагаю тебе. Сможешь ли ты когда-нибудь принять его?

1/X

Эти два вечера были странные... Такие хорошие, нежные и в то же время такие горькие. Кажется, что Элина в своем озорстве или строгости относится ко мне доброжелательно. Но тут же, когда все закончится, такие милые и излучающие тепло глаза сразу меняются, становятся холодными, будто спрашивают: что ты ко мне пристаешь? И тогда сердце разрывается и слезы наворачиваются на глаза. И в тот вечер было по-своему плохо, и в то же время хорошо, в десять, сто раз лучше, чем плохо. Элина сомневается в каждом моем слове и взгляде, но я счастлив и благодарен искренне, что она такое доброе, милое создание, с которым все же могу быть так близко.

Hämärässä illantummuvan
hiljaa helkkyu kielet kitaran.
Sormeis alta sointu helähtää,
kiiri pois ja silti mielen sopukkaan,
rainain jäljet mielen sopukkaan,
antain väristystään tuohon tarinaan,
jota kerrot mulle, hyvä ystävä.
atu seittiänsä seuloo hämärä.

В сумерки
тихо звенят струны гитары.
Под твоими пальцами звучит аккорд,
не спеши, все еще остается в твоих мыслях.
Я отложил эти мелодии в уголке своего сознания,
я внес в эту историю свой колорит.
Неясная история просеивается сквозь паутину
из того, что ты мне рассказываешь, дорогой друг.

СОКРАЩЕНИЯ

НА РК – Национальный архив Республики Карелия

КАПП – Карельская ассоциация пролетарских писателей

СПП – Союз пролетарских писателей

ССП – Союз советских писателей

СП КАССР — Союз писателей Карельской автономной социалистической республики

ИСТОЧНИКИ

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-7.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 35.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 40.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 1/2. Л.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

НА РК. Ф. Р-2885. Оп. 1. Д. 11.

ЛИТЕРАТУРА

Анто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. СПб.: «Наука», 1997. С. 55–61.

Виролайнен Л. А. Тобиас Гуттари // Известия Карело-финского филиала Академии наук СССР. 1951. № 2. С. 67–82.

Гуттари Т. Родина, тебя пою! Стихи разных лет. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР. 1950. 103 с.

Гуттари Т. «Пишу тебе с фронта...» (Вступительное слово и комментарии А. С. Пекки) // Север. 1995. № 4-5. С. 166–183.

Евсеева Е. В. Попытка создания единого карельского литературного языка в Карелии в 1937–1939 гг. (на основе документов Национального архива Республики Карелия) // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2020. №5. С. 212–222. URL: https://nbsr.petrstu.ru/files/pdf/journal_77490.pdf?t=1614781435&ysclid=lnhxyjm7bm654505251 (дата обращения 11.05.2023)

Мишин А. И. Поэт-лирик Леа Хело // Север. 2012. № 1-2. С. 192–194.

Национальные писатели Карелии: финская эмиграция и политические репрессии 1930-х годов. Биобиблиографический указатель. Летопись литературной жизни Карелии (1917–1961). Дополнения / общ. ред. Ю. И. Дюжева; сост. Н. А. Прушинская, Е. И. Такала. Петрозаводск, 2005. 124 с.

Очерк истории советской литературы Карелии / отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1969. 374 с.

Пекки А. Певец солнечной весны: Из биографии карельского писателя Т. Гуттари // Лицей. 2000. № 2. С. 14; № 3. С. 14; № 4. С. 14.

Писатели Карелии: Биобиблиографический словарь / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 151–155.

Руханен У. Н. В вихрях века: воспоминания и очерки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 269 с.

Сумманен Т. Путь поэта // Карельская литература: Сб. критич. статей. Петрозаводск: Гос. изд-во Карельской АССР, 1959. С. 113–125.

Такала И. Р. Большой террор в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований [Электронный ресурс]. 2018. №3. С. 143-207. URL: https://nbsr.petrstu.ru/-journal/content_list_en.php?id=38290&ysclid=lnhy6zemxg269801581 (дата обращения 11.05.2023)

Тобиас Гуттари (1907–1954) // Очерки литературы Карело-Финской ССР / сост. Л. А. Виролайнен, К. В. Чистов. Петрозаводск: Гос. Изд-во Карело-Финской ССР, 1954. С. 26–43.

Тобиас Гуттари. Указатель литературы / сост. Л. С. Суомалайнен. Петрозаводск: «Карелия», 1977. 24 с.

Филимончик С. Н. Книга и власть: издательская деятельность в Карелии в 1920–1930-е годы // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2017. № 4. С. 544–552.

Фокин А. А. И. Д. Сургучев: творческая биография писателя в свете художественной антропологии: Автореф. дисс. ... д. филол. наук: 10.01.01 / А. А. Фокин. Ставропольский гос. ун-т. Ставрополь, 2008. 37 с.

Хело Л. (Тобиас Гуттари). День за днем (Отрывки из военного дневника) // Север. 1973. № 10. С. 102–112.

100 лет литературе Карелии. Время. Поиски. Портреты / Е. И. Маркова, Н. В. Чикина, О. А. Колоколова, М. В. Казакова. Петрозаводск: Periodika, 2020. 432 с.

Ivatchev F. Helo astui yli // Lokakuu. 1931. № 1. S. 27–29.

Johansson O. Mistä juontuvat juuret // Punakantele. 1931. № 5 (22). S. 9–10.

Helo L. Valittuja runoja. Petroskoi: Karjalan ASNT:n Valtion kustannusliike, 1956. 315 s.

Поступила в редакцию 31.08.2023

Колоколова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук, младший научный сотрудник

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

185910, Россия, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11

E-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru

O. A. Kolokolova

**KARELIAN WRITER TOBIAS OSIPOVICH GUTTARI (LEA HELO):
RECONSTRUCTING BIOGRAPHY OF 1930s**

DOI: 10.35634/2224-9443-2024-18-1-55-66

The article reconstructs the period of the 1930s in the life and works of Karelian poet T. O. Guttari (literary pseudonym – Lea Helo). This study is based on a complex of sources, including periodicals, archival documents and scholarly literature. Unknown facts of biography and drafts of literary works are determined. New materials (letters, a diary and notes) are introduced into scientific circulation. The article also covers the focus of professional interests of the writer: translation of fictional texts, folklore studies, acquaintance with the famous narrators Maria Remshu and Larin Paraske, participation in conferences. In the first half of 1930s Guttari was effectively working on literary texts and translation of Soviet literature from Russian to Finnish. Special attention is paid to the crisis years (1936 – 1937), the period of productive work, rise and dramatic decline caused by social, political, psychological and material reasons. In 1936 creative rise was changed by severe disappointment in reality: a lot of people from the writer's closest acquaintances were repressed or arrested. National politics had also a destructive impact on Guttari's life. Loss of job, exclusion from the Writers' Union, threats and destructive criticism caused decline of creativity, almost total abandonment of writing and literary work. The issue of Guttari's exclusion from the Writers' Union and his rehabilitation is covered. T. O. Guttari's diary (September 3 – October 1, 1936), which is currently stored in the National Archive of the Republic of Karelia, is published in the appendix to the article.

Keywords: Karelian literature written in Finnish, poetry of Karelia, writer's biography, Tobias Guttari, Lea Helo, T. O. Guttari's diary.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2024, vol. 18, issue 1, pp. 55–66. In Russian.

REFERENCES

Alto E.H. L. Finnoyazychnaya literatura Karelii [Literature of Karelia written in Finnish]. *Istoriya literatury Karelii: v 3-kh t. T. 2* [A History of Karelian literature: in 3 vol. V. 2]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1997. pp. 55–61. In Russian.

Virolainen L. A. Tobias Guttari. *Izvestiya Karelo-finskogo filiala Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Karelian-Finnish Branch of the USSR Academy of Sciences]. 1951, no. 2, pp.67–82. In Russian.

Guttari T. *Rodina, tebya poyu! Stikhi raznykh let* [Motherland, I sing you! Poems]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1950. 103 p. In Russian.

Guttari T. «Pishu tebe s fronta...» (Opening speech and comments by A. S. Pekki). *Sever* [North]. 1995, no. 14–5, pp. 166–183. In Russian.

Evseeva E. V. Popytka sozdaniya edinogo karel'skogo literaturnogo yazyka v Karelii v 1937–1939 gg. (na osnove dokumentov Natsional'nogo arkhiva Respubliki Kareliya) [Attempting at creating a unified Karelian language in 1937–39 (based on the documents of the National Archives of the Republic of Karelia) // *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniy* [Nordic and Baltic Studies Review], 2020, №5, pp. 212–222. URL: https://nbsr.petsru.ru/files/pdf/journal_77490.pdf?t=1614781435&ysclid=lnhxyjm7bm654505251 (accessed 11.05.2023). In Russian.

Mishin A. I. Poeht-lirik Lea Khelo [Lyric poet Lea Helo]. *Sever*, 2012, no.1–2, pp. 192–194.

Natsional'nye pisateli Karelii: finskaya eh migratsiya i politicheskie repressii 1930-kh godov. Biobibliograficheskii ukazatel'. Letopis' literaturnoi zhizni Karelii (1917–1961). Dopolneniya [National writers of Karelia: Finnish Emigration and political repression of 1930s. Biobibliographic index. Chronicle of the literary life of Karelia (1917–1961). Additions]. Petrozavodsk, 2005. 124 p. In Russian.

Ocherk istorii sovetskoi literatury Karelii [Essay on history of Soviet Karelian literature]. Petrozavodsk, Karelskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1969. 374 p. In Russian.

Pekki A. Pevets solnechnoi vesny: Iz biografii karel'skogo pisatelya T. Guttari [Sunny spring singer: From the biography of the Karelian writer T. Guttari]. *Litsei* [Lyceum], 2000, no. 2, p. 14; no. 3, p. 14; no. 4, p. 14. In Russian.

Pisateli Karelii: Biobibliograficheskii slovar' [Writers of Karelia: bio-bibliographic dictionary]. Petrozavodsk, Ostrova Publ., 2006. pp. 151–155. In Russian.

Rukhanen U. N. *V vikhryakh veka: vospominaniya i ocherki* [In the whirlwinds of the century: memoirs and essays]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1991. 269 p. In Russian.

Summanen T. Put' poehtha [The path of the poet]. *Karel'skaya literatura: sbornik kriticheskikh statei* [Karelian literature: collection of critical articles]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Karel'skoi ASSR Publ., 1959. pp. 113–125. In Russian.

Takala I. R. Bol'shoi terror v Karelii [The Great Terror in Karelia] // *Al'manakh severoevropeskikh i baltiiskikh issledovaniy* [Nordic and Baltic Studies Review], 2018, №3, pp. 143–207. URL: https://nbsr.petsru.ru/journal/content_list_en.php?id=38290&ysclid=lhny6zemxg269801581 (accessed 11.05.2023)

Tobias Guttari (1907–1954). *Ocherki literatury Karelo-Finskoi SSR* [Essays about literature of the Karelian-Finnish SSR]. Petrozavodsk, Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Karelo-Finskoi SSR Publ., 1954, pp. 26–43.

Tobias Guttari. «Pishu tebe s fronta...» (Opening speech and comments by A. S. Pekki). *Sever* [North]. 1995, no. 14–5, pp. 166–183. In Russian.

Tobias Guttari. Ukazatel' literatury [Tobias Guttari. Literature index]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1977. 24 p. In Russian.

Filimonchik S. N. Kniga i vlast': izdatel'skaya deyatel'nost' v Karelii v 1920–1930-e gody [The book and the authority: publishing activity in Karelia in 1920–1930s] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. Series History and Philology], 2017, № 4, pp. 544–552. In Russian.

Fokin A. A. *I. D. Surguchev: tvorcheskaya biografiya pisatelya v svete khudozhestvennoi antropologii. Avtoref. diss. ... d. filol. nauk: 10.01.01* [I. D. Surguchev: creative biography of the writer in the light of artistic anthropology: Dissertation abstract]. Stavropol, 2008. 37 p. In Russian.

100 let literatury Karelii. Vremya. Poiski. Portrety [100 years to Karelian literature. Time. Research. Portraits]. / E. I. Markova, N. V. Chikina, O. A. Kolokolova, M. V. Kazakova. Petrozavodsk: Periodika, 2020. 432 p. In Russian.

Khelo L. (Tobias Guttari). Den' za dnev (Otryvki iz voennogo dnevnika) [Day by day. Extracts from a war diary]. *Sever* [North], 1937, no. 10. pp. 102–112. In Russian.

Ivatchev F. Helo astui yli. *Lokakuu*, 1931, no. 1, pp. 27–29. In Finnish.

Johansson O. Mistä juontuvat juuret. *Punakantele*, 1931, no. (22), pp. 9–10. In Finnish.

Helo L. *Valittuja runoja*. Petroskoi: Karjalan ASNT:n Valtion kustannusliike, 1956. 315 p.

Received 31.08.2023

Kolokolova Olga Alekseevna

Junior researcher, Candidate of Philological Sciences

Institute of Language, Literature and History, Karelian RC RAS

11, Pushkinskaya st., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russia

E-mail: kolokolowa.olg@yandex.ru